

Валерий Рогов

В Орле, в издательстве «Бешние воды», регулярно выходят книги с о - в р е м е н н о й поэзии и прозы. Может быть, потому Орел все чаще именуют литературной столицей России. Впрочем, для этого существует давняя традиция: русское Подстепье, Великороссия воспеты Тургеневым, Толстым, Тютчевым, Фетом, Лесковым, Буниным, Андреевым и другими знаменитостями. Между прочим, в последние годы ушедшего столетия, когда слово «культура» практически исчезло из лексикона политиков, в Орле местные власти под державной рукой Егора Семеновича Строева не только не забывали о духовном *окормлении* соотечичей, но и немало сделали. Упомяну об одном: о возведении в самом центре Орла великолепной библиотеки, названной в честь великого орловчанина И.А.Булнина.

«Булнинка» буквально сразу стала родным домом для подрастающих поколений, одухотворенным местом встреч, хранилищем знаний, которые возвышают и всегда будут возвышать тех, кто стремится быть в жизни достойным и благонравным. Думаю, неслучайно и то, что в Орле живет и работает вдохновенная плеяда поэтов и прозаиков и они на слуху у всей России - Виктор Дронников, Иван Рыжов, Василий Каганов, Ирина Семенова, Геннадий Попов... Да и их коллеги также устремлены к собственным творческим вершинам.

Такова моя *присказка* к разговору о недавно вышедшей книге Валентины Амиргуловой «Легион черной змеи». В ней рассказы и роман, и именно на нем я хочу сосредоточиться, так как считаю его явлением незаурядным.

Прежде всего подчеркну, что Валентина Амиргулова поставила перед собой с в е р х з а д а ч у - написать эпопею о революционных годах в Орле и губернии, да, пожалуй, и во всей Цент-

редь задумаешься о невосполнимых потерях, о трагичности легкомысленных утопий, о лукавстве пламенных ниспровергателей. Да, правды и только правды - вот чего мы хотим знать о большевистской революции. И то, что В.Амиргулова ищет именно эту правду в изображаемых событиях и, естественно, их участниках - большое достоинство романа «Легион черной змеи».

Не меньшее его достоинство и в другом: она изображает ту социальную среду, которая мало нам знакома, если вообще знакома, - ц е р к о в н у ю . В советские времена Церковь и церковнослужители, а также прихожане, описывались, как правило, недоброжелательно, а точнее - карикатур-

но, и преподавателей духовной семинарии, захваченных со-блазнами обновления и церковных реформ; как и обыкновенных батюшек; монахинь, мирян... Очень удачно в роман введен образ юридического во Христе, блаженного Павла. Вообще, церковная часть романа - удача Валентины Амиргуловой, и не столько даже тематической новизной, сколько убедительной художественной достоверностью, прописанностью характеров.

Достоинством романа является и то, что В.Амиргулова решила по-серьезному разобраться в очень непростом «еврейском вопросе», причем на конкретном пространстве Орловской губернии, отчего сам этот «вопрос», являвшийся долгие десятилетия практически подзап-

ных лет. Слабее оказался образ его приятеля, рабочего Григория Первенцева: уж больно он правильный, узнаваемый по многим предшествующим произведениям. Хотелось бы, чтобы писательница как-то индивидуализировала Первенцева, нашла в нем яркие особенки. Пока малоинтересен и другой друг-приятель Сокова - планетарный реформатор и ниспровергатель Православия Иосиф Калинин. А вот образ «пламенной» неряхи Клавды, по-моему, авторская удача... Не вырисовывается и мало действует *праведная* Зиночка... Но все это, думаю, поправимо в дальнейших частях эпопеи.

Роман построен достаточно необычно, я бы даже сказал: поженски, но быть критиком не соби-

тил неуправляемый бешеный «красный террор», в котором опять основными действующими лицами предстали слуги «черных жрецов»...

Тут мне хотелось бы сделать некоторые замечания. Во-первых, плохо, когда исчезает редактор (книга издана в авторской редакции). И вот почему: многих бы неточностей удалось избежать - стилистических и фактических. Упомяну о существенных: солдат-большевик Шурыгин «встречался с Лениным в марте 1917-го», а тот вернулся в Петроград в апреле; Гучков никогда не был «царским министром», а о том, что Временное правительство «сплошь масонское» узнали и публично заговорили лишь после 2-ой мировой войны; «популярность» Троцкого началась не с осени 1917-го, и даже не после Октябрьского переворота, а лишь когда он возглавил Красную армию - с лета 1918-го; слов таких, как «секс», «козёл», «проект» в те годы в нынешнем значении не употребляли; маузеры и браунинги «из карманов» не вытаскивали; «лакированных фото», вообще фотографий, на православных кладбищах не было, и т.д.

Во-вторых, общение с редактором, с коллегой, способствовало бы и более четкой прописанности образов, событий; структурному построению романа.

Обо всем этом важно упомянуть только по той единственной причине, что подобные мелкие огрехи портят впечатление от труда тяжкого и во всех смыслах поощрительного, более того, бывает, что и убивают желание продолжать работу. А по существу-то это всего лишь небрежности, и я о них упоминаю для того, чтобы в следующих частях эпопеи Валентина Ивановна сумела их исправить.

В заключение повторю: опубликование романа «Легион черной змеи» явление незаурядное, а в литературе даже событийное и, безусловно, не регионального уровня, а общероссийского. И очень своевременное, нужное, особенно после смутного десятилетия, которое мы совсем недавно пережили. когда

ЗЛОЯДИЕ «ЧЕРНОГО ЛЕГИОНА» или ПРАВДА О РЕВОЛЮЦИИ

но. А ведь борьба атеистической коммунистической идеологии против религии, прежде всего Православия, с которым связана тысячелетняя история Российского государства, была одним из ключевых вопросов революции, и постижение того, отчего все же рухнула *Святая Русь*, объяснит современному читателю многое. Просто по той причине, что большевистский социализм обернулся оголтелым сатанизмом, когда люди начали жить не по

решению, обрел объемную и объективную историчность. Сцены бундовских митингов, возбужденных еврейских собраний написаны ярко, выразительно - именно с убедительностью художественной правды! Замечу, кстати: удачен и очень характерен образ веселого ремесленника Лёвы Дубровина... Но вот образ большевика Аронова, председателя исполкома, получился, на мой взгляд, слишком категоричным, а, в общем, плоско-деревянными - и

раюсь. В таком построении есть своя логика: революция, как половодье, двигалась невидимыми накатами, затопляя всё и вся - души, сознание, намерения, представления - и получался, в самом деле безудержный событийный потоп. Однако автору все же следовало иногда обозначать временные рамки, то есть различия 1917-го и 1918-го годов. Восторг весны 1917-го в провинциальном Орле, описанный прекрасно, схлынул, как то же